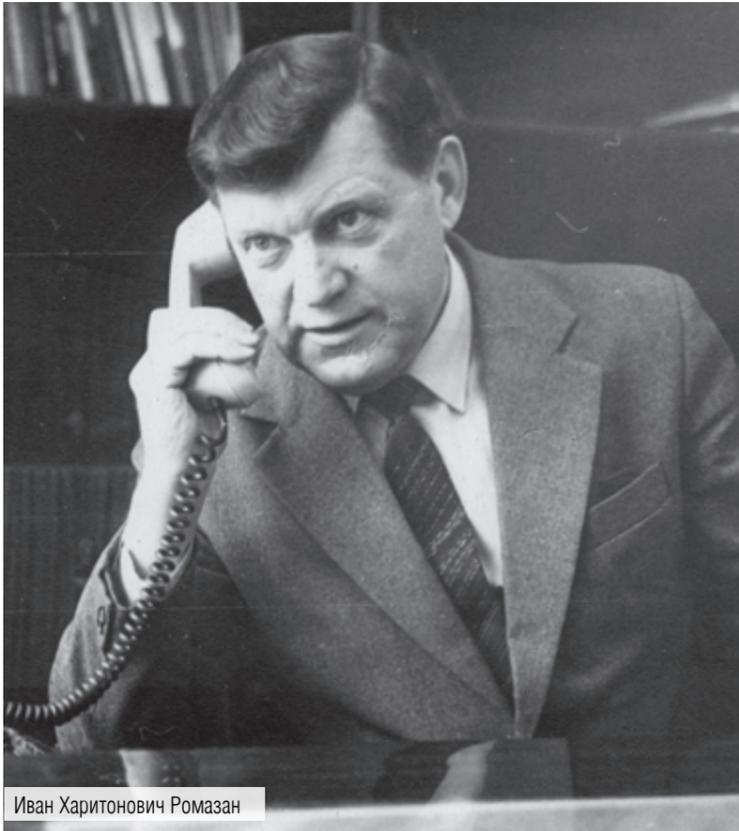

Дата

Ромазан и его эпоха

Своё сердце он отдал комбинату и городу

Иван Харитонович Ромазан

Барак, в котором провёл детство Иван Харитонович

Евгения Яковлевна и Иван Харитонович с младшим внуком Иваном

Эта фотография стала прообразом памятника Ивану Ромазану

Дочь Ирина, Иван Харитонович, супруга Евгения Яковлевна, внуки Марина и Иван

В день рождения Ивана Ромазана 18 сентября в 18.00 в ДКМ им. Серго Орджоникидзе состоится премьера документального фильма Игоря Гончарова «Памятник человеку» (6+, вход свободный) – об эпохе, сотворившей народного директора Магнитки, и о нём самом, вступившем в бой с эпохой.

С его смерти прошло 27 лет. Выросло целое поколение магнитогорцев, которые учились в школе имени Ромазана, занимались спортом или смотрели спортивные баталии во Дворце имени Ромазана, а после возвращались домой через сквер имени Ромазана. А их родители, бабушки и дедушки по сей день ставят в церквях свечи в память о человеке, с которым лично знакомы не были, но который стал символом одного из самых тяжёлых периодов для комбината, города и страны – перехода от плановой экономики к рыночной. В Магнитогорске годы с 1985-го, когда директором ММК был назначен Иван Харитонович Ромазан, по 91-й, когда в рабочем кабинете его сразил сердечный приступ, называют не иначе как эпохой Ромазана.

Своё сердце он отдал комбинату и городу. Приняв ММК с 90-процентным износом оборудования, составил глобальную программу технического перевооружения до 2020 года – сейчас её с успехом претворяет новое руководство предприятия. В кабинете не сидел – каждый день в фуфайке обходил промплощадку, разговаривал с рабочими. Это сейчас пустые прилавки в магазинах и талоны на продукты – всего лишь аттракцион для молодёжи в Ельцин-центре. Тогда же дефицит доходил до голодных забастовок. Были бы такие и на комбинате – но Иван Харитонович находил нужные слова, и рабочие терпели, твёрдо зная: Ромазан слов на ветер не бросает. Узнал, что из-за дефицита мыла рабочим нечем мыться после смены – построил на ММК мыловаренный цех. Одним из первых в стране заключал бартерные сделки с иностранными компаниями, присылавшими в обмен на металл мясо и консервы, одежду и обувь, видеомагнитофоны и холодильники. Горожан, одетых в одинаковые кроссовки и модные спортивные костюмы из мятой плащёвки, метко прозвали «дети Ромазана». Было ещё одно выражение – «птенцы Ромазана». Это о молодых талантливых и амбициозных работниках комбината – а Ромазан любил таких и смело выдвигал их на руководящие посты, посылал в заграничные командировки – увидеть, как там живут, чтобы строить здесь жизнь ещё лучше.

Сам же жил обычной жизнью: квартира, сад, обожаемые жена и дочка. Евгения Яковлевна – не первая леди, а соратница и помощница, да и Ирина – не глянцева девочка. В преддверии премьеры говорим с Ириной Лебедевой об Иване Харитоновиче – человеке, которого любили, прощаться с которым пришёл весь город, и которому поставили памятник.

– В спорах о том, каким быть памятнику, участвовал, без преувеличения, весь город, – рассказывает Ирина Ивановна. – Предлагали нечто монументальное – с домами, мартенами. А Пётр Бирик, директор Дворца Ромазана, настаивал на более человечном тёплом образе. Как раз в это время Пётр Иванович создавал музей Ивана Харитоновича, там монтировали фотографии. Хотите верить хотите нет, фото, на котором папа за руку с внуком, моим сыном Ваней, упало и разбилось. Взглянув на снимок, Пётр Иванович понял: вот оно – тёплый взгляд, улыбка, а главное, связь поколений. К сожалению, семей-

ных фотографий у нас очень мало, буквально по пальцам пересчитать: не принято было в то время фотографироваться.

– На мероприятиях в честь Ивана Харитоновича Евгения Яковлевна обычно плачет...

– Мама очень сильная женщина. Совсем недавно она вдруг призналась мне: «Как, оказывается, я его люблю!» всю жизнь они жили душа в душу, мама была под надёжным папиным крылом, и потому как-то естественно было, что после его ухода она не вышла замуж – нет больше таких крыльев. Но вот чисто по-женски поняла, как сильно она любит, только на склоне лет. То поколение мало говорило о романтике. Это сейчас выбирают, разочаровываются, бросают, ищут новое... А мама с папой жили по правилам: встретились, влюбились, женились и всю жизнь старались делать друг для друга всё, что могли. Очень долго мама жила со свекровью – моей любимой бабуней, которая в 1931 бежала от украинского голодомора в Магнитку, и сестрой папы Марией Харитоновной.

– А Иван Харитонович буквально жил на комбинате.

– Да, в доме все знали: работа на первом месте. Папа всегда много трудился – разгружал вагоны в детстве, чтобы прокормить маму и сестру, когда из семьи ушёл отец, учился заочно и работал, когда родилась я. Но даже во времена директорства чрезвычайного материального благополучия у нас не было. Как ни пафосно прозвучит, главной задачей в семье было, чтобы комбинат благополучно работал. Это трудно объяснить, но, когда шёл снег, мы с мамой и мужем Сергеем переживали, что занесёт пути и состав не сможет проехать от домны до следующего передела.

– То есть его детище стало вашим детищем?

– Во-первых, хотелось, чтобы папа поскорее пришёл домой, а это будет, только если всё на комбинате хорошо. А потом... Комбинат не просто вошёл в мою жизнь – он физически со мной. Расхожих слов, что отец отдавался делу всей жизни – да, так и было, но говорить не хочется. Это эпоха воспитала его такого, который непонятно почему болел за дело душой, физически, но всё-таки отдавал последние силы для того, чтобы всё «дышало», чтобы люди могли работать, получать деньги и кормить семью. В половине седьмого утра папу уже ждала машина, возвращался домой он после десяти вечера. «Нашими» были только субботний ужин, на который обязательно собиралась вся семья, и воскресные поездки за город. Этот график, конечно, сломил его, и последний год он очень сдал, был измощён.

– Может, повлияли и события в стране?

– Само собой. 25 июля он участвовал в заседании пленума ЦК КПСС, на котором приняли решение о департизации – по сути, уничтожении того, чему он служил верой и правдой. Я, молодая девочка, конечно, радовалась переменам: наконец-то демократия, свобода. Он смотрел на меня каким-то грустным страшным взглядом и говорил: «Ты ничего не понимаешь». Он-то уже знал, что страны, по сути, больше нет. Когда на комбинате начались выборы руководителей – что они должны быть из народа и избраны народом, я тоже радовалась: вот оно, новое время. Это было как раз на семейном ужине, и папа, помню, сказал: «Любая власть основана на силе. Если силы нет ни в одной составляющей государственной власти, это анархия. А анархия – это разложение и распад». Болезненно ко всему относился – и я по-дочернему решила не спорить, побережь его. Какой смысл? – передо мною глыба, которая пашет, знает и чувствует – и что такое я со своими транспарантами о новой жизни?

– Вопрос кощунственный, но, получается, судьба пощадила его и не столкнула с крушением его убеждений, дав уйти... простите, вовремя?

– Много думаю об этом. Его смерть была громом среди ясного неба. Мама занималась хозяйством, звонил телефон – в трубке тишина. Потом позвонили снова и сказали, что папа плохо, и за ней выехали машину. Когда она вошла в кабинет, вокруг суетились врачи, но она поняла: папа умирает. Те, кто работал с ним, разделились на два лагеря: одни говорят, будь Ромазан жив, он бы такое развернул! Другие, напротив, уверены: останься он жив, его сердце не выдержало бы того, что произошло в стране. Он был коммунистом до мозга костей, его настольной книгой была «Как закалялась сталь» – не для «изюминки» в биографии, а честно! Он был правильным в работе, в семье. Когда они уехали на четыре года работать в Нижний Тагил, рвался в Магнитку – тянул комбинат и я, потому что уже вышла замуж и жила с мужем и детьми здесь. А он, выросший без отца, мечтал о крепкой семье.

– Простите, но тогда почему вы единственный ребёнок?

– Недавно этот же вопрос задал маме мой сын. Помолчав, она сказала: «Время было такое». Думаю, и работа была превыше, и не решён жилищный вопрос...

– Ромазан не мог решить жилищный вопрос?

– Ну, в то время он ещё не был «самим Ромазаном», да и был бы – не стал. На комбинате по бартеру привезли фирменные мужские полуботки, он взял – и вернул через три дня: не хочу, чтобы пальцем показывали. Долго ездил на работу на трамвае, а полученную служебную машину считал почти незаслуженной привилегией. Мама любит рассказывать историю, как из последней командировки он привёз внуку Ване коллекционные машинки, а они в то время были безумной редкостью. Папа привёз их две, в субботу перед семейным ужином мама сказала: «Подари сегодня одну, а потом другую – растяни радость». И папа, человек, отрицательно относившийся к излишествам, избалованности, сам живший скромно, вдруг сказал: «Нет, сразу две отдам – пусть Иван порадуется».

– Не было обиды на папу за то, что не баловал?

– Наоборот, мне обидно за папу: я в жизни видела больше, чем он. Я часто думаю, что он сказал бы, увидев столько стран. Да что там – появилась возможность покупать книги, которые он обожал.

– Как он отдал вас, единственную, замуж?

– (Улыбается). Мы с Серёжей решили пожениться, я сказала об этом папе. Он сказал: «Ты что, я ведь тебя совсем не знаю!» Одно дело маленькая дочь, другое – взрослая, с которой можно поговорить на равных. Я только стала ему другом, и вдруг ухажу. Потом добавил: «Ира, ты понимаешь, что выходишь замуж навсегда? Не расходятся люди, нельзя!» Так что, благодаря примеру мамы с папой я счастлива в браке уже больше сорока лет.

– Как живётся сегодня детям и внукам Ивана Харитоновича?

– Сложнее, чем остальным, и это правда. Надо соответствовать папе – и не потому, что что-то скажут другие – нет. Хочется быть достойными его памяти. Он ведь для нас остался рядом, и мы сверяем свою жизнь с его взглядами, моралью. Ведь он никогда не кричал, не выворачивал руки: сказал – значит, так и будет. Он умел убедить, повести за собой – потому и стал тем, кем стал. И соответствовать имени Ромазана, конечно, очень сложно.

Рита Давлетшина